

**Станюкович Кирилл  
Владимирович**

**Удивительный луч  
профессора Комаччо**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
С75

С75 **Станюкович Кирилл Владимирович**  
Удивительный луч профессора Комаччо / Станюкович Кирилл  
Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 71 с.

**ISBN 978-5-458-04285-7**

**ISBN 978-5-458-04285-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Станюкович Кирилл  
Владимирович  
Удивительный луч  
профессора Комаччо



Кирилл Станюкович

Удивительный луч профессора Комаччо

Был ясен день, шумело безбрежное море, гремя и пенясь, шли и били в берег крутые океанские волны. Качаясь, взмахивали своими резными листьями высокие пальмы, и все было наполнено веселым шумом, солнечным светом, вольным ветром. Вся природа, казалось, была пронизана радостью жизни и покоем, и как-то совсем не верилось, что совсем недалеко за этой ясной морской далью притаился враг, который только ждет удобного случая, чтобы вновь захватить эти солнечные берега, вновь поработить мою Родину.

Мы шли по самому берегу, слева были высокие дюны, покрытые пальмовым лесом, справа - море.

Шумел лес, качались стройные пальмы, и не было жарко, а было именно так, как нужно, было хорошо.

И под этот мерный, широкий шум моря и ветра было так легко думать о многом, а то и просто бездумно следить за далекими парусами, за небольшой шхуной, маневрировавшей недалеко от берега, за полетом чаек.

Шеф с самого начала сказал, что вызвал меня зря, что он получил неисправную аппаратуру и поэтому те эксперименты, которые намечено было сделать сегодня, откладываются.

- Мы поговорим об этом после,- сказал он,- и раз уж ничего серьезного не вышло, то давайте бросим науку сегодня совсем. Идемте!

Целый день мы бродили по берегу и то входили в тень берегового леса, то лежали на песке, и он молчал и думал о чем-то своем. И я понял, что совсем не должен развлекать его разговорами и молчал, и стеснение прошло, и было удивительно хорошо. Наверное, в этот день я отдохнул так, как не отдыхал за все три года бешеной работы над диссертацией, которую я делал там, в далекой, холодной, но дружественной стране, где шумели удивительные красноствольные сосны, так не похожие на наши пальмы. Все было очень хорошо, только изредка я ловил на себе внимательные, как бы изучающие взгляды учителя.

И когда к вечеру мы возвращались домой, было так спокойно на душе, так безлюдно на берегу и в море, и даже чайки исчезли, и шхуна ушла, и я, по правде, думал только о том, накормит ли меня учитель или сочтет угощение прогулкой совершенно достаточным.

Однако мои опасения скоро рассеялись, на веранде, обращенной к морю, я увидел накрытый стол и когда шеф гостеприимным жестом

хозяина распахнул передо мной калитку, я с большим удовольствием вошел в сад перед виллой, имея только одну радостную мысль - наконец-то я поем!

Но есть не пришлось.

У стола на веранде сидела пожилая женщина, которая к удивлению учителя, крикнувшего: "сениора Стефания, вот и мы, голодные, как волки!" ничего не ответила. А когда профессор, войдя на веранду и не добившись ответа, тронул ее за плечо, желая разбудить, она не шелохнулась. Сениора Стефания не дождалась нас. Скоропостижная смерть навеки успокоила ее перед накрытым столом. У ног мертвой экономки лежала большая мохнатая собака с полуседой мордой. Старая собака не пережила смерти своей старой хозяйки, она также была мертва.

И вместо приятного ужина пришлось бежать за врачом, который уже был не нужен, в полицию, чтобы сделать заявление. В сумерках, возвращаясь из поселка, куда я бегал за врачом, я споткнулся о мертвую чайку, лежащую у дома профессора, и опрометью бросился в калитку. Мне подумалось, что и учитель уже мертв. Но он был жив, и хотя лицо было как всегда каменно спокойно, но папироса чуть дрожала в его руке.

Потом явились врачи, потом власти, потом увезли тело сениоры Стефании, потом мы забрали некоторые приборы, бывшие у профессора здесь на вилле, заперли дверь и уехали в город.

- Здесь я не смогу больше работать после этого,- сказал шеф, укладывая свои приборы.

Так печально окончился этот радостный день, который я и тогда считал и сейчас считаю переломным днем своей жизни.

\* \* \*

Наш университет стоит на самой окраине города. Сразу за ним идут крутые откосы и скалы, покрытые неистовым переплетением тропических деревьев и лиан. А перед ним широким полукругом, нарезанный проспектами на куски, как торт, лежит город. Дальше - портовые сооружения, дамбы, элеваторы, краны и доки. Еще дальше - бухта, наполненная парходами и парусниками. А на самом горизонте стелется синее-синее море.

Наш город красив, он не менее красив, чем прославленные Рио или Фриско. Наш город пестр, в нем перемешались разные языки и народы. Здесь можно найти и потомков индейцев, которых здесь застал еще Колумб, и потомков испанских конкистадоров, поработителей, и негров, потомков рабов; здесь много пришельцев из глубины континента, потомки инков, майя, ацтеков. Вся эта пестрая

мешанина людей еще недавно была жестоко разделена стальными перегородками на "белых" и "цветных", богатых и бедных. Но недавние революционные события, отдавшие власть в стране народу, сломали эти перегородки и сблизили все народы.

Несмотря на страшную разноязычность, различие в цвете кожи, разность идеалов, религий и убеждений, эта человеческая масса, обретя свободу, спаялась, приобретя крепость алмаза, выкристаллизовавшегося вокруг людей, проповедующих справедливость. Твердость сплава проверялась недавно, когда хозяева земель и заводов, прибыв из-за моря, куда их недавно прогнали, пробовали вернуть себе свои плантации. Интервенты были мгновенно разбиты нашей полураздетой и слабовооруженной милицией. Народ защищался с яростью, достойной восхищения.

Обо всем этом думал я, глядя из окна университетской лаборатории накануне того дня, с которого начинается мой рассказ.

И вот тогда ко мне подошел мой учитель, профессор Комаччо и, глядя в упор своими острыми темными глазами, сказал:

- Мне нужно поговорить с вами. Я жду вас завтра к себе на виллу.

Я утвердительно поклонился, а когда собрался что-то сказать, за ним уже закрылась дверь.

"Наконец-то!" - промелькнуло у меня в голове.

Со времени поступления в университет я преклонялся перед ним. Я всегда, всегда мечтал работать у него, работать с ним, быть близким к нему. Комаччо был один из тех, кто делал большую науку. Его работы, появлявшиеся достаточно редко, всегда вызывали бурю.

Но в последнее время он замолк и вот уже несколько лет не публиковал ничего. Говорили, что он выдохся, говорили, что он выстарился, но мы, его ученики, знали, что это не так. Он работал, он сильно работал, уж мы-то это знали!

Вообще он был человек замкнутый, угрюмый и неразговорчивый. Он внушал почтение, но не любовь, уважение, но не симпатию. Жена его умерла давно, а он, угрюмый и далекий и от других профессоров, и от нас, студентов, всегда был один, всегда покрыт непроницаемой броней.

Странный это был человек.

По окончании университета меня отправили для подготовки диссертации за границу. Но после того, как я вернулся оттуда, защитив диссертацию, и был зачислен к нему на кафедру, он по-прежнему оставался для меня далеким и недоступным.

Никто не знал, над чем он сейчас работает за железными дверями своей лаборатории, в которую никто не входил и у порога которой сидит, как цербер, угрюмый служитель индеец Виракоча.

Старик Виракоча был фигурой достаточно колоритной и совершенно необходимой, по временам даже казалось, что он гораздо более необходим здесь, на нашей кафедре, чем сам Комаччо.

Почти неподвижно сидел он, сохраняя неизменную суровость у входа в святилище, вот уже пятый год. Со студентами он отнюдь не был вежлив, а его заботы о старике Комаччо переходили в настоящий деспотизм. В случае, если Комаччо засиживался, он мог войти в лабораторию, погасить свет, говоря:

- Довольно работать, пора домой.

Пять лет назад, когда отец нынешнего Виракоча, Ацицотл, суровый индеец, просидевший у входа в лабораторию двадцать пять лет, почувствовал себя плохо, он пришел к Комаччо и сказал, что ему пора на родину.

- Нужно ехать проститься,- сказал он тихо.- Мне скоро умирать.

Предчувствия не обманули Ацицотла - с родины он не вернулся.

Через месяц какой-то мрачный индеец, чем-то удивительно напоминавший Ацицотла, подал Комаччо письмо. В нем после длинного ряда приветствий писарь какой-то отдаленной индейской общины сообщал о последнем желании Ацицотла чтобы вместо него Комаччо взял к себе в слуги его сына Виракочу.

На тревожный вопрос Комаччо - что же Ацицотл? - мрачный податель письма поднял глаза к небу.

На вопрос - где же сын Ацицотла Виракоча? - он, потупившись, сказал:

- Я Виракоча.

Только тогда Комаччо понял, что он лишился своего сварливого, но верного друга и что сын, о котором была речь в письме, это тот самый огромный немолодой индеец, который неподвижно стоял перед ним.

Так вместо Ацицотла уже несколько лет сидел Виракоча, такой же молчаливый и величественный, он так же бесцеремонно мог вломиться в аудиторию во время лекции, как его отец, и начать при студентах разувать профессора, потому что "вы ушли без калош и ноги у вас мокрые".

От отца он отличался только тем, что тот непрерывно курил, а Виракоча предпочитал крепкие напитки.

Ходили темные слухи, что он пьет денатурат.

После ухода Комаччо товарищи окружили меня. Но что я мог рассказать им, кроме того, что получил приглашение?

Когда товарищи разошлись, ко мне с таинственным видом подошел Виракоча. Шепотом, полувопросительно, полуутвердительно произнес:

- К себе пригласил?!- приложив палец к губам, привел меня к себе в каморку, достал из запертого шкафа бутылку и нацедил полный стакан такой крепчайшей гадости, что я чуть не задохнулся, выпив ее.

И вот, затем, сначала задержка с аппаратурой, из-за которой отложился эксперимент на вилле, затем эта неожиданная смерть.

Прошел день, второй, третий, а учитель не появлялся, его лаборатория безмолвствовала, на пороге, как истукан, неподвижно восседал Виракоча.

И наконец, сегодня по телефону я получил приглашение к Комаччо на квартиру.

После моего звонка за дверью была долгая тишина. Наконец она приоткрылась, на пороге стоял мрачноватый служитель.

- Профессор приходит в кабинет в половине восьмого,- сказал он и, проведя меня в гостиную, ушел.

В доме воцарилась тишина, тикали часы. Я ждал, ждал и ругал себя, что пришел раньше времени.

Ровно в половине восьмого раздались шаги, и в дверях появился Комаччо. Я встал, он безмолвно пожал мою руку и указал на дверь. Мы прошли в кабинет. Окна, занавешенные шторами, стол, заваленный книгами, и везде пепел. Он также молча указал мне на кресло, мы сели.

Комаччо откинулся на спинку кресла, опустил голову и долго молчал, закрыв глаза. Я рассматривал его длинную тощую фигуру в широкой фланелевой тужурке, смуглое лицо, покрытое глубокими складками, высокий, весь в морщинках лоб, тонкие губы, морщинистую шею с огромным кадыком, худые темные руки с длинными пальцами. Я глядел на него и думал, что хотя все его считают испанцем, но он индеец, настоящий инка, сейчас я это совершенно ясно увидел. Он потомок тех инков, которые задолго до европейцев создали удивительно точные календари, колоссальные постройки, поразительную оросительную сеть. И тогда мне стала более понятна и замкнутость моего учителя и его одиночество. Ведь и у меня было немного индейской крови. Видимо, на учителя сильно повлияла смерть его дальней родственницы-экономки, во всем еще

недавно бодром теле сейчас была разлита немощь, почти умирание. Он молчал бесконечно долго. Наконец заговорил глухо, словно издалека.

- Я веду в течение ряда лет одну работу. Результаты ее, как вы знаете, я пока что никому не сообщал. До сих пор я вел ее один, но теперь мне нужен помощник. Да. Нужен помощник,- глухо повторил он.- Умеющий хорошо считать, но и хорошо молчать. Я знаю, вы неплохо считаете, но не знаю - умеете ли вы молчать?

Он задумался. Я сидел безгласно, не зная, что ему отвечать.

- Да, мой выбор остановился на вас, и я решил вас попробовать тогда на даче, но вот...

Длинная пауза, его тонкие пальцы шевелились, шевелились и, наконец:

- Я вам верю, но имейте в виду, работая со мной, вам придется от многого отказаться. Работа такого характера, что малейшее приглашение ее может нанести неисправимый вред. Понимаете, ужасный, непоправимый вред. Поэтому вам придется молчать так, как я молчу уже годы. Имейте в виду, если не везет в работе - все хорошо - молчать не трудно! Но если повезет! Если удача. Тогда труднее. Вот сможете ли вы затаить в себе эту радость. А?

Я довольно бесцветно уверил его, что умею молчать, он задумался, а после этого начался самый жесточайший экзамен, который я, конечно, не мог выдержать. Да и вряд ли бы кто-нибудь мог. Но затем настал час и моего торжества, когда он захотел проверить меня по вычислительной работе, тут меня сбить было трудно, и я считал и считал. Я множу и делю в уме почти любые числа, я помню на память таблицу логарифмов. Он задавал и задавал мне новые задачи, все сложнее и сложнее, а я решал и решал. Наконец он не выдержал и улыбнулся.

- Черт возьми,- сказал он.- Если бы я обладал такой счетной машиной в своем мозгу, я, наверное, давно бы был у цели.

Но после этого он опять сидел и думал, а я молча ждал. Это было бесконечно.

Но все-таки он решился, и с завтрашнего дня я начинаю работать в его лаборатории. Об этом уже знают мои коллеги по кафедре и завидуют. Не мудрено. Я сам себе завидую. Один из ассистентов нашей кафедры, Щербо, так прямо сказал: "появился любимчик".

Первый день в лаборатории. Сегодня в 12 часов дня он ввел меня сюда. Когда за нами с лязгом захлопнулась железная дверь лаборатории, шеф сказал:

- Итак, Антонио, клянитесь, что, выходя из этой мастерской, вы

будете забывать, что здесь делали!

Я твердо ответил: "Клянусь!"

- Так слушайте, - сказал он, - мы знакомы с рядом явлений, которые грубо называем лучами, но природу их, по существу, знаем слабо. Хотя теперь я, кажется, знаю о них капельку больше других. Как вы знаете, есть лучи тепловые и световые, есть лучи видимые и невидимые, есть лучи, которые, будучи посланы, приходят туда такими же, какими были посланы, но есть такие лучи, как, например, некоторые космические, которые изменяются, расщепляются по дороге, меняют свое лицо, свои свойства по пути.

Так вот, слушайте, я создал аппарат, который бросает на любое расстояние пучок лучей особого характера. Я могу направить этот пучок, который условно называю зет-лучом, на любой предмет. Одновременно при помощи другого аппарата посылается другой сложный луч, который имеет совсем другую природу. Эти лучи посылаются на строго заданное расстояние, создают сзади интересующего нас предмета как бы зеркало, оно отражает зет-луч обратно и я принимаю его сюда на экран.

Этот аппарат заграждения, создающий непреодолимую преграду для зет-луча и отражающий его обратно, я называю аппаратом зеркал. Зеркало может быть разного характера. Оно может быть совершенно гладким, в этом случае оно или отразит зет-луч обратно или как зеркало повернет его в зависимости от того, под каким углом оно поставлено. А может оно захватить и целый слой и зарядит его так, что препятствием для зет-луча, скажем, станет поверхность предметов различной плотности и при помощи вернувшегося зет-луча различной жесткости мы сможем видеть и слои внутри земли или поверхность земли или даже облака. Первоначально мне удавалось получить только силуэт интересующего нас предмета, затем после длительных перекомбинаций лучей, я мог видеть как бы скелет предмета, нечто вроде рентгеновского снимка, а теперь, когда у меня работает одновременно несколько аппаратов зеркал, я, по видимому, смогу увидеть и поверхность предметов, т. е. фактически сейчас для меня эти зеркала превратились в своеобразные локаторы, которые я невидимо могу расставлять там, где мне хочется, а зет-луч сообщает, что они видят.

Он остановился, замолчал.

- Вот уже несколько лет, как я работаю в полном одиночестве. Говоря по правде, я надеялся, что работу я смогу сделать один, сам. Оказывается, нет... - и он задумался.

Сначала я должен был научиться самостоятельно владеть неко-

торыми приборами.

Началось мое обучение с тренировки преломления тонкого пучка простого белого света зеркалами. Прямая стрела луча, пущенная через темную комнату, послушно ломалась, как только пускался в ход "аппарат зеркал".

Я работал все утро и весь день и к вечеру уже мог самостоятельно ломать луч в пределах комнаты как хотел.

- У вас хорошие руки,- сказал учитель.- Теперь мы попробуем сделать то, что до сих пор было мне недоступно из-за одиночества: пошлем зет-луч на какой-нибудь отдаленный предмет, хотя бы на купол собора Святого Павла.

И я через окно направил жерло аппарата на далекий собор под руководством шефа, рассчитал, как установить зеркало.

- В силу страшного напряжения магнитного поля мы не сможем переговариваться по телефону,- сказал шеф,- придется работать по старинке, я буду сигнализировать вам звонками, а вы по этой таблице смотрите, что нужно делать.

Начались тренировки, только к вечеру я научился безошибочно делать по звонкам все, что от меня требовалось.

Уже поздно вечером мы надели тяжелую одежду и обувь, шлемы вроде водолазных. Противный запах состава, которым пропитана ткань, ударил в нос, неуклюжие красные перчатки покрыли руки. Профессор превратился в длинное чудовище с круглой металлической головой. Начинаясь какой-то фантастический мир. Мы сели друг против друга. Чудовище напротив смотрело на меня, потом его красные клешни погасили люстру, включили рубильник.

Нас обступила тьма, и лишь лампочки у приборов бросали свой приглушенный свет на циферблаты пульта управления. Звонок. Включаю мотор. Значит, невидимый луч уже протянул свое щупальце к собору. Новый сигнал. Веду реостат, наращивая мощность луча, дальше, дальше. Тяжелый гул заполняет уши, все трясется, все вибрирует, моторы безумствуют. Я довожу реостат до конца и с ужасом вижу на циферблате цифру немыслимого напряжения. Я гляжу из своей скорлупы на круглую голову сидящего напротив чудовища, она чуть блестит огромным глазом во мраке. Новый сигнал. Включаю зеркало. Новая стонущая вихревая нота вливается в рев осатанелых моторов.

Кругом тьма. Вперед страшный фантом. Ощущение сумасшедшего полета в темноту. Смотрю на экран - он темен. Чудовище напротив нервно перебирает своими красными щупальцами.

Комбинированный звонок - "работайте микрометрическими